

Терроризм и агрессивное поведение¹

Текст: С. Н. Ениколопов

Для всех, кто хотел бы предсказывать и предотвращать появление террористических групп или сорвать реализацию террористических актов, необходимо знание психологических аспектов терроризма. Конечно, терроризм является следствием не только психологических, но также и экономических, политических, религиозных и других факторов. И нет ни каких сомнений в том, что терроризм – сложное социальное явление. Было бы упрощением и просто ошибкой объяснять акт терроризма единственной причиной, типа психологической потребности террориста в совершении акта насилия.

П. Вилкинсон показал, что причины терроризма, как и любой формы политического насилия, в том числе и революции, включают этнические, религиозные и идеологические конфликты, бедность, политическую несправедливость, напряжения модернизации, недостаток мирных каналов коммуникаций, традиции насилия, существование революционных групп, слабость правительства, эрозию доверия режиму и глубокие разногласия среди элит [23].

Вместе с тем, без глубокого психологического анализа трудно найти ответы на вопросы типа: почему некоторые индивиды решают порывать с обществом? как становятся террористами? имеют ли политические или религиозные террористы в различных регионах мира что-нибудь общее в своем развитии, или террористические группы слишком разнообразны, чтобы иметь общие черты? Если психологический портрет террориста может быть создан, то может ли он

надежно помочь сотрудникам правоохранительных органов идентифицировать потенциальных террористов?

В отличие от политологов и социологов, которые сосредоточены на анализе политических и социальных аспектах терроризма, психологи, изучающие терроризм, прежде всего заинтересованы исследованием индивидуально-психологические характеристик террористов, их ценностей, убеждений, мотивов, их вовлечением в террористические группы, а также психологическими аспектами возникновения и функционирования террористических групп.

Терроризм, как одна из форм агрессивного поведения, выражается в преднамеренном причинении вреда, приводящего к ущемлению или блокаде основных человеческих потребностей, в крайней форме – к смерти. Являясь разновидностью инструментальной агрессии, террористический акт преследует своей целью выражение протеста со стороны объекта (личность, группа) по отношению к определенным общественным нормам.

Несмотря на то, что результатами действия террористов являются порча имущества, ущемление прав и потребностей человека, а также угроза или лишение человека жизни, специфичность данного явления определяется ведущей мотивацией террористов – интолерантностью, неприятием и борьбой с навязанными определенным обществом нормами и ценностями. Следствием борьбы или протеста является декларирование своих условий, норм и принципов. Другими отличительными свойствами

Сергей Николаевич Ениколопов,
заведующий отделом клинической психологии Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук (НЦПЗ РАМН).

Доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ

¹Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 06-06-00638а (Психологические факторы агрессивности и насилия в современной России).

данной формы агрессивного поведения являются: детальное планирование в разработке и реализации; локальность наносимого воздействия; непредсказуемость формы и места; публичность и масштабность явления с целью внушения массового страха и повышения эффективности шантажа со стороны террористов; причинение вреда «атрибутам» шантажируемого общества, но не его целостное уничтожение.

Данные характеристики позволяют наметить границы между такими явлениями, как убийство, война и другими формами насилия. Существенной характеристикой террористической деятельности является особый статус насилия. Криминальное насилие является нелегитимным и нелегальным (не имея социального и правового признания), а право на легитимное насилие закреплено за государством. Терроризм стремится лишить государство исключительного права на легитимное насилие, осуществляя контрлегитимное насилие, направленное на деструкцию сложившегося социального и правового порядка. Террористы требуют от общества и государства легитимизации своих действий. Во всяком случае, предполагается, что социум должен признать справедливость и моральную оправданность требований и действий террористов, а правовые нормы государства низводит до не имеющих безусловного значения и не требующих безукоснительного выполнения. Террористический акт претендует на то, чтобы стать таким же легитимным действием, как и государственное правосудие. Терроризм постепенно становится не просто нарушением нормального правового и социального порядка, а почти рутинным способом решения социальных проблем. Это оправдывается целями, которые предполагаются более значимыми, чем те, которые санкционированы государством и обществом.

Существует большое число определений насилия, и практически во всех этих определениях под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже потенциально возможного. Угроза возможного насилия также является насилием. Й. Галтунг предлагает в качестве основных потребностей рассматривать: а) потребность

выживания (отрицанием данной потребности является смерть, смертность); б) потребность благополучия (отрицанием является — нищета, болезни); в) потребность в идентичности (отрицание этой потребности — отчуждение); г) потребность свободы (отрицание — репрессии) и выделил три форм насилия: прямое, структурное и культурное [6].

Наиболее явным и доступным для эмпирического наблюдения является прямое насилие со всеми видами жестокости, проявляемой людьми друг к другу, к другим формам жизни и природе в целом. По отношению к перечисленным выше потребностям прямое насилие проявляется в следующих формах:

- а) убийство;
- б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета;
- в) десоциализация из собственной культуры и ресоциализация в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта;
- г) репрессии, задержание, изгнание.

Именно эти формы чаще всего определяются как агрессивное поведение.

Структурное насилие:

- а) эксплуатация типа А, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезни;
- б) эксплуатация типа Б, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, включающем недоедание и болезни;
- в) внедрение в сознание, ограничение информации;
- г) маргинализация, разобщение.

Под культурным насилием Й. Галтунг предлагает рассматривать те аспекты культуры, которые могут быть использованы для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия. Культурное насилие ведет к тому, что прямое и структурное насилие начинает выглядеть и восприниматься как справедливое.

Три вида насилия имеют базовое различие во временном отношении. Прямое насилие имеет характер события; структурное — процесса с подъемами и спадами; культурное насилие — остается неизменным долгие периоды. Можно обнаружить переходы от культурного через структурное к прямому насилию. Культура воспитывает, учит и предлагает

рассматривать эксплуатацию, репрессии, индивидуальные и групповые агрессивные действия в качестве нормальных и естественных явлений. Анализ культурного насилия позволяет понять то, каким образом прямое насилие или агрессивное поведение и структурное насилие легитимизируются и делаются приемлемыми в обществе.

Большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, способствуют тому, что агрессия и насилие активно проявляются и воспроизводятся в социуме. Это в первую очередь имеет отношение к ценностям, касающимся статусных, имущественных, возрастных отношений, и создающим основу для сильных социальных напряжений, переживаемых большим количеством членов социума. В модернизирующихся странах прямое и структурное насилие проявляются как попытка перераспределить или сохранить статус, богатство, ресурсы или отомстить за предшествующие унижения. Кроме различных форм прямого насилия могут возникнуть также ощущения безнадежности, одиночества и фрустрированности, которые могут проявляются как направленная вовнутрь агрессия или апатия и отстранение.

Терроризм, прокламируя идеи социальной справедливости, национальной независимости или религиозных ценностей, осуществляет контрлегитимное насилие. Легитимизация террора проявляется в признании справедливости требований и действий террористов, их моральной оправданности, а правовых норм — не имеющими значения. Терроризм разрушает сложившийся общественный и правовой порядок, признавая убийство и угрозу насилием справедливой правовой процедурой. Многие террористические организации претендуют на то, что они осуществляют параллельное правосудие и выносят своим врагам смертные приговоры. Все это осуществляется во имя высших целей, которые предполагаются более значимыми, чем легитимизированные государством и обществом ценности.

Многочисленные исследования показали, что рост агрессивного поведения, насилия и терроризма обусловлен крупными и резкими социальными переменами (например, модернизация страны) и связанными с этими переменами нарушениями традиционной организации общества. В

обществе, переживающем подобные изменения как острый кризис, отмечается активный процесс социальной дифференциации и имущественного расслоения граждан, идеологическое противостояние существующих и возникающих политических движений, партий и организаций, ведущих борьбу за власть. Социальная и психологическая поляризации населения происходит на фоне низкой эффективности государственного аппарата и правоохранительных органов.

что политический террорист сознательно принимает отрицательную идентичность, которая проявляется в отвержении социальных ролей, оцениваемых как желательные и правительственные социумом и семьей будущего террориста. Например, член угнетенного этнического меньшинства, разочарованный невозможностью получить университетское образование, принимает отрицательную идентичность, становясь террористом. Анализируя то, как человек становится

важности и слабости. Исследования Дж. Проста [15, 16, 17] показали, что многие террористы не имели успехов в личной и профессиональной сферах жизни. Как следствие, они тянутся к террористическим группам, которые предлагают готовый образ врага. Однако в последние годы, отмечается рост числа хорошо образованных террористов — инженеров, химиков и физиков.

Дж. Прост акцентирует внимание на внутренних проблемах, мотивирующих террористическое поведение. Он подчеркивает различие между анархическими террористами в Германии, Италии и этническими сепаратистами (ETA, IRA). Если первые разрушают «мир своих отцов», то вторые продолжают «миссию своих отцов». Другими словами, для одних террор — это акт возмездия за реальные или мнимые обиды, направленный *против общества родителей*, для других это — акт возмездия обществу за обиды, нанесенные *родителям*. Это предполагает большую психопатологию среди первых.

Действительно, Дж. Беккер [2] описывает немецких террористов как «детей без отцов». Они были сыновьями и дочерьми людей, переживших нацизм и презирали своих родителей из-за позора фашизма и побежденной Германии. Один бывший член РАФ сказал: «Мы ненавидели наших родителей, потому что они были нацистами, которые никогда не смогли очиститься от своего прошлого». Г. Вагенлхнер [22] отмечает, что мотивы террористов РАФ были неполитические и принадлежали больше к области психопатологических нарушений. Он обнаружил, что немецкие террористы обвиняли правительство в неудаче при решении их личных проблем. Терроризм становится «индивидуальной формой освобождения» для радикальных молодых людей с личными проблемами: «Эти студенты стали террористами, потому что страдали от острого страха, агрессии и мазохистского желания». К. Келлен [12] отметил, что большинство западногерманских террористов страдает от глубокой психологической травмы, которая «заставляет их видеть мир, включая их собственные действия и ожидаемые эффекты тех действий, в чрезвычайно нереалистичном свете», и это мотивирует их к убийству.

Криминолог Ф. Ферракути [6] отметил, что террористы-одиночки

Большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, способствуют тому, что агрессия и насилие активно проявляются и воспроизводятся в социуме

Способы разрешения подобных ситуаций во многом обусловлены существующими в данном обществе и группах (в том числе и этнических) образами и схемами поведения (например, этническими стереотипами поведения), которые являются упрощенно стереотипизированными, зачастую искаженными и предубежденными представлениями, характерными для обывательского сознания. Нарастает тенденция к разрешению возникших противоречий и конфликтов силовыми способами.

Терроризм связан с радикализацией критики существующего общества и является проявлением идей социальной справедливости, национальной независимости и религиозного фундаментализма. Большинство современных террористических организаций являются проявлением либо социального терроризма, который ставит перед собой революционные, антикапиталистические цели, либо националистического или религиозного терроризма. Существует и еще и антисистемный терроризм, который отрицает современное общество вообще и объявляет ему войну. Это терроризм одиночек или маргинальных групп сектантского характера. Этот вид терроризма наиболее тесно связан с психической патологией и наименее предсказуем.

Дж. Кнутсон [13] считает что, люди «приходят в терроризм» в результате чувства беспомощности и гнева, вызванного отсутствием альтернатив. Опираясь на теорию идентичности Э. Эриксона, он полагает,

многие исследователи опираются на агрессивную-нарцисстическую гипотезу. Согласно которой, в случае, если первичный нарциссизм в форме «грандиозного Я» не нейтрализован реальными жизненными испытаниями, то формируется самоуверенный, не уважающий и не считающийся с другими людьми социопат, переживаемое которым состояние беспомощности может привести к реакции гнева и желанию уничтожить источник, угрожающий его нарциссизму.

Дж. Крейтон [3] считает терроризм попыткой приобрести или поддержать власть или контроль запугиванием. Он предлагает, что «высокие идеалы» политической террористической группы защищают членов группы от переживания стыда и позора.

По мнению Дж. Проста [17], отличительной чертой личности террористов является уверенность в своей правоте, основывающаяся на таких механизмах психологической защиты как экстернализация и диссоциация. Эти защитные механизмы обнаруживаются у лиц с нарциссическими и пограничными личностными расстройствами. Диссоциация, по его мнению, характерна для людей, чье личностное развитие формировалось под влиянием нарциссического ущерба. Их «Я-концепция» не смогла интегрировать «хорошие» и «плохие» части «Я», которые вместо этого раздроблены на «Я» и «Не Я». Такие индивидуумы, включая Гитлера, нуждаются во внешнем враге, виноватом в их собственной неадек-

это, как правило, психически больные люди. Психически неуравновешенные индивидуумы особенно склонны к захвату самолетов. Д. Хабард [10,11] провел психиатрическое изучение захватчиков самолетов. Его исследование показало, что «воздушные пираты» обладали несколькими общими чертами: склонный к насилию отец, часто алкоголик; глубоко религиозная мать, часто религиозная фанатичка, сексуально застенчивая, робкая, и пассивная личность; более молодые сестры, по отношению к которым будущие «воздушные пираты» проявляли заботу; невысокий собственный социальный статус, финансовые неудачи. Но подобные характеристики обнаруживаются и у многих людей, не захватывающих самолеты и не являющихся террористами.

Многие исследователи отмечают депрессивный и ангедонистический аспект личности террориста, который отражается в его отношении к смерти. Террорист часто описывается как неспособный к формированию значащих межперсональных отношений, а его «внешний мир» характеризуется тремя категориями людей: «идеализированные герои террориста», «враги террориста» и люди, с которыми он сталкивается в повседневной жизни и воспринимает их как ничего не значащие фигуры [3, 8].

Однако, большинство специалистов отмечают отсутствие надежных данных о психически больных террористах и обращают внимание на то, что осторожность, детальное планирование и своевременное выполнение, которые характеризует большое число террористических актов, не типично для психически больных. Террористы чрезвычайно отчуждены от общества, но отчуждение не обязательно означает психическое заболевание. В. Расх [18] считает, что рассмотрение терроризма как формы патологического поведения используется для того, чтобы минимизировать политические или социальные проблемы, которые мотивировали террористов.

М. Тейлор [21] уверен, что нашел, что теория психической болезни малоприменима для понимания большинства террористических действий. Тейлор обращает внимание на то, что террористические группы нуждаются в осторожных активистах, которые не привлекают к себе внимание и могут слиться с толпой после выполнения действия. Селективность, используя которую террорис-

тические группы принимают новых членов, помогает объяснять, почему среди террористов обнаружено так мало патологически больных. Кандидаты с непредсказуемым или безудержным поведением, которые являются потенциально опасными для выживания террористической группы, отбраковываются.

Согласно другому подходу к психологическому пониманию терроризма, террорист рассматривается как фанатик. В этом случае подчеркиваются рациональные качества террориста и рассматривают его как холодного, логически планирующего свои действия человека, который в фанатизме проявляет свою жестокость и садизм [14]. Этот подход принимает во внимание, что террористы часто хорошо обучаются и способны к сложному, хотя и очень тенденциозному политическому анализу.

Фанатизм связан с предубеждением и авторитаризмом, с которыми имеет множество общих характеристик: нежелания идти на компромисс, презрение к другим альтернативным представлениям, тенденция видеть вещи в черно-белом свете, жесткость веры и восприятия мира, который отражает закрытое сознание. По мнению М. Тейлора [21], фанатизм можно рассматривать как одну из характеристик терроризма, но для понимания связи фанатизма и терроризма требуется признание роли культурного, религиозного и социального контекста. Картина мира фанатика характеризуется специфической экстремальной перспективой. Особенно остро проблема фанатизма встает при анализе действий террористов-самоубийц, причины поступков которых многие западные исследователи объясняют или фанатизмом или психическим заболеванием или и тем и другим.

В целом террористы чувствуют себя отчужденными от общества, они обижены на него или расценивают себя как жертву несправедливости. Они преданы своим политическим или религиозным целям и ценностям и не оценивают свои насильственные действия как преступные. Они не обнаруживают опасения, жалости или раскаяния. Они лояльны к друг другу, но относятся к нелояльным членом группы хуже, чем к врагам [4].

Практически все исследователи указывают на следующие наиболее характерные черты личности террористов:

1. **Комплекс неполноценности**, который чаще всего является причиной агрессии и жестокого поведения, выступающих в качестве механизмов компенсации. Комплекс неполноценности ведет к сверхконцентрации на защите «Я» с постоянной агрессивной оборонительной готовностью.

2. **Низкая самоидентификация**. Террористическая группа помогает индивидууму избавиться от проблем психосоциальной идентификации, выполняя функцию стабилизирующего фактора. Так, Дж. Прост нашел, что члены анархически-идеологических групп безвозвратно рвут и семейные связи и связи с сообществом. В результате чего террористическая группа становится единственным источником информации и безопасности [17].

3. **Самооправдание**. Очень часто политико-идеологические мотивы указывают на главные побудительные причины вступления на путь терроризма, но, как правило, они являются формой рационализации скрытых личностных потребностей: стремления к усилению личностной идентификации или групповой принадлежности.

А. Бандура описал четыре метода освобождения от моральной оценки последствий своих действий, которые может использовать террористическая группа. Сначала, используя моральные оправдания, террористы могут воображать себя «спасителями людей», которым угрожает большое зло.

Затем, используя технику «смещения ответственности» на лидера или других членов группы, террористы считают себя функционерами, которые просто следуют за распоряжениями лидера. Группы, которые организованы в ячейки, могут быть более способны к выполнению безжалостных действий из-за «смещения ответственности». Чем более разделена группа, тем больше она теряет контакт с действительностью, включая оценку последствий собственных действий. Третья техника, используемая террористами, призвана минимизировать или игнорировать фактическое страдание жертв. Четвертый метод морального освобождения проявляется в дегуманизации жертв или восприятию их как иноверцев [1].

4. **Личностная и эмоциональная незрелость**. Большинству террористов присущи максимализм, абсолютизм, часто являющийся результатом поверхностного восприятия реальности, теоретический и полити-

ческий дилетантизм.

Ф. Ферракути и Ф. Бруно [7] описали список из девяти психологических черт, характерных для «правых» террористов: двойственное отношение к власти, примитивное и дефектное понимание происходящего, приверженность конвенциональным поведенческим образцам, эмоциональное отчуждение от последствий своих действий, нарушения полоролевой идентичности, суеверное, магическое и стереотипное мышление, гетеро- и аутоагрессия, низкий уровень образовательных навыков, восприятие оружия как фетиша и приверженность нормам субкультуры насилия. Эти черты составляют то, что Ферракути и Бруно назвали «авторитарно-экстремистская индивидуальность». Они заключают, что «правый» терроризм может быть более опасен, чем «левый», потому что «в терроризме «правого крыла», индивидуумы чаще психопатичны, а идеология пуста, чужда реальности».

Очень часто террористами становятся безработные, малообразованные, социально отчужденные индивидуумы. Более образованные молодые люди могут обнаруживать подлинные политические или религиозные убеждения (некоторые из них и интеллектуалы и идеалисты). Обычно это разочарованная (независимо от уровня образования) молодежь, участвующая в спорадических акциях протеста. Потенциальные члены террористических групп часто начинают как «сочувствующие», а от «сочувствующего» один шаг до «пассивного сторонника». Многие начинают в организациях поддержки, типа «групп поддержки заключенного» или «защиты экологии».

Часто столкновения с полицией или другими силами безопасности мотивируют уже социально отчужденного индивидуума на присоединение к террористической группе. Несмотря на разнообразие обстоятельств, результат этого постепенного процесса в том, что индивид, часто с помощью родственников или друга с террористическими контактами, становится террористом. Но одного только собственного желания недостаточно. Потенциальный террорист должен иметь возможность присоединиться к террористической группе.

Некоторые психологические особенности террористических групп являются характерными для малых групп в целом. Ф. Ферракути утверждал, что теория субкультур лучше

объясняет терроризм, поскольку принимает во внимание, что террористы живут в своей субкультуре, с их собственными системами ценностей [5]. Членство в группе обеспечивает ощущение принадлежности, чувство уверенности и новой системы ценности, которая определяет террористический акт как нравственно приемлемый, а цели группы как цели первостепенной важности. Группа делает более радикальными индивидуальные взгляды, а коллективная идентичность группы замещает многое из индивидуальной идентичности ее членов, создавая иллюзию неуязвимости, ведущую к чрезмерному оптимизму и чрезмерному риску, предлагает этику группы, одномерное восприятие врага как зло и нетерпимость к чужим убеждениям и взглядам [19, 20]. Террористические группы подобны религиозным сектам или культам. Они требуют полного подчинения, часто запрещают отношения с посторонними, регулируют и иногда запрещают сексуальные отношения, требуют взаимозависимости и доверия, пытаются «промывать мозги» членам их специфической идеологией [9].

К сожалению, необходимо констатировать отсутствие серьезных отечественных психологических исследований терроризма, что существенно обедняет разработку действительных мер борьбы с ним. Психология терроризма в настоящее время испытывает недостаток в полномасштабных, количественных и качественных исследованиях для обоснованного развития теории террора и терроризма.

Литература:

1. Bandura, A. «Mechanisms of Moral Disengagement.» in W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind.* Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
2. Becker, J. *Hitler's Children: The Story of the Baader-Meinhof Terrorist Gang.* Philadelphia: J.B. Lippincott, 1977.
3. Crayton, J.W. «Terrorism and the Psychology of the Self» in L. Z. Freedman and Y. Alexander, eds., *Perspectives on Terrorism.* Wilmington, Delaware: Scholarly Resources, 1983.
4. Della Porta, D. «Political Socialization in Left-Wing Underground Organizations: Biographies of Italian and German Militants» In Donatella Della Porta, ed., *Social Movements and Violence: Participation in Underground Organizations.* 4. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1992.
5. Ferracuti, F. «Ideology and Repentance: Terrorism in Italy» in W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind.* Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.

6. Ferracuti, F.. «A Sociopsychiatric Interpretation of Terrorism» *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 463, September 1982, 129-41.
7. Ferracuti, F., and F. Bruno. «Psychiatric Aspects of Terrorism in Italy» in I.L. Barak-Glantz and C.R. Huff, eds., *The Mad, the Bad and the Different: Essays in Honor of Simon Dinzh.* Lexington, Massachusetts: Lexington Books, 1981.
8. Fried, R.. «The Psychology of the Terrorist» in Brian M. Jenkins, ed., *Terrorism and Beyond: An International Conference on Terrorism and Low-Level Conflict.* Santa Monica, California: Rand, 1982.
9. Holloway, H. C., and Anne E. Norwood. «Forensic Psychiatric Aspects of Terrorism» in R. Gregory Lande, and David T. Armitage, eds., *Principles and Practice of Military Forensic Psychiatry.* Springfield, Illinois: Charles C. Thomas, 1997.
10. Hubbard, D. G. «The Psychodynamics of Terrorism» in Y. Alexander, T. Adeniran, and R.A. Kilmars, eds., *International Violence.* New York: Praeger, 1983.
11. Hubbard, D.G. *The Skyjacker: His Flights of Fantasy.* New York: Macmillan, 1971.
12. Kellen, K. «Ideology and Rebellion: Terrorism in West Germany» in W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind.* Washington: Woodrow Wilson Center, 1998.
13. Knutson, J. N. *Social and Psychodynamic Pressures Toward a Negative Identity.* in Y. Alexander and John M. Gleason, eds., *Behavioral and Quantitative Perspectives on Terrorism.* New York: Pergamon, 1981.
14. Laqueur, W. *The Age of Terrorism.* Boston: Little, Brown, 1987.
15. Post, J.M. «Hostility, Conformity, Fraternity: The Group Dynamics of Terrorist Behavior» *International Journal of Group Psychotherapy*, 36, No. 2, 1986, 211-24.
16. Post, J.M. «Notes on a Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior.» *Terrorism: An International Journal*, 7, No. 3, 1984, 242-56.
17. Post, J. M. «Terrorist Psycho-Logic: Terrorist Behavior as a Product of Psychological Forces» 25-40 in W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind.* Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.
18. Rasch, W. «Psychological Dimensions of Political Terrorism in the Federal Republic of Germany» *International Journal of Law and Psychiatry*, 2, 1979, 79-85.
19. Shaw, E.D. «Political Terrorists: Dangers of Diagnosis and an Alternative to the Psychopathology Model» *International Journal of Law and Psychiatry*, 8, 1986, 359-68.
20. Sprinzak, E. «The Psychopolitical Formation of Extreme Left Terrorism in a Democracy: The Case of the Weathermen» in W. Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind.* Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.
21. Taylor, Maxwell. *The Terrorist.* London: Brassey's, 1988.
22. Wagenlehner, G. «Motivation for Political Terrorism in West Germany» in M. H. Livingston, ed., *International Terrorism in the Contemporary World.* Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1978.
23. Wilkinson, P. *Political Terrorism.* London: Macmillan, 1974.